

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ ВОСПРИЯТИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН ВО ФЛОРЕНЦИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIV – НАЧАЛЕ XV ВЕКА

В статье идет речь об особенностях восприятия социально-политических перемен флорентийскими гражданами в последней четверти XIV – начале XV в., когда была свергнута диктатура партии гвельфов, поставлен предел режиму младших цехов, и городское общество вернулось к республиканским порядкам, достигнув относительного равновесия участвующих в управлении структур – старших и младших цехов, а также вернувшихся в город архигвельфов. Это отразилось в восприятии граждан, как достижение социумом относительной гармонии в процветающем, добившемся значимых внешнеполитических успехов городе. Далее исследуется «цена победы»: ограничение норм флорентийской демократии в пользу формирующегося олигархического строя.

Ключевые слова: республика Флоренция, партия гвельфов, цехи, Парламент, Балли

Вторая половина XIV в. для Флорентийской республики характеризовалась долгими и мучительными социально-политическими кризисами: засилье в коммунальном обществе партии гвельфов (1358–1378) завершилось свержением партийной диктатуры в 1378 г., что спровоцировало выступление городских низов (восстание чомпи), которое окончилось установлением режима младших цехов. Падение последнего в результате вооруженных столкновений февраля – марта 1382 г. дало начало новым гражданским распрям между вернувшимися из изгнания «архигвельфами» – активными партийными функционерами, жаждущими реванша, и противостоящим им большинством гражданского социума.

Упорная борьба всех слоев общества против диктаторских поползновений архигвельфов привела в середине 1390-х к установлению относительного равновесия: город, избавился, с одной стороны, от угрозы возврата партийной диктатуры, а с другой, от контроля над коммунальными органами правления цеховых корпораций. Партия гвельфов с XIII в. являлась значимым фактором сплочения коммунального социума, ибо ремесленники младших цехов гордились своей гвельфской ориентацией не менее, чем представители высоких социальных страт¹. Широкий доступ

¹ Практически во всех мемуарах и семейных хрониках этого периода авторы подчеркивали партийную принадлежность своих предков, гордясь гвельфскими корнями. Бонаккорсо Питти, скорее отрицательно относившийся к партии, не преминул указать: «мы, Питти, являясь гвельфами, были изгнаны из Симифонте гибеллинами, которые там правили» (Хроника 1972: 7). Его современник Джованни Морелли несколько назойливо повторял о своей лояльности партии, отождествляя ее с верностью католической церкви: «Особенно с великим благоговением я жажду обнять святую католическую Партию гвельфов, которую поддерживает Господь, которой покровительствует Святая Церковь» (Morelli 1956: 127). Торговец шелком Грегорио Дати идентифицировал гвельфизм с преданностью «святой матери нашей Церкви» и коммунальной свободой: «...Гибеллины по духу служат императорам и синьорам, а гвельфы привержены к Святой Церкви и свободе. Поэтому флорентийцы принадлежат к гвельфской партии». Он объединял в одно целое верность церкви, гвельфизм и

граждан к выборным структурам коммунального управления, включая и младших ремесленников, был оплотом флорентийского народовластия, обеспечивая мощную динамику развития города более двух столетий.

Итак, в 1380–1390-е гг. в коммунальном обществе вновь стали усиливаться выборные республиканские институты, и наибольшие полномочия власти как будто бы концентрировались в руках коммунального правительства – Синьории. Гражданам удалось, подавив социальные потрясения 1382–1387 гг., постепенно нейтрализовать действие механизма политической вендетты, когда после очередного государственного переворота, приводившего к власти оппозиционную группировку, в город возвращались изгнанники, требуя предоставления им давно проданного коммуной или конфискованного партией гвельфов имущества, желая возмещения как материального, так и морального ущерба, т.е. отстранения от управления проигравших противников, которые, в свою очередь, одержав реванш, сводили счеты. Флоренция продолжала сохранять в качестве политической основы республиканскую систему правления и во многом утвержденные демократическими устоями ментально-политические установки. Кроме того, не стоит преуменьшать значение победы над двумя республиканскими режимами с широкой системой народовластия, но с диктаторскими способами управления – партии гвельфов и младших цехов, в связи с чем правомерно думать о позитивных переменах в социально-политической сфере города на данном этапе. О достигнутой гармонии в развитии Флорентийской республики и кульминации торжества республиканского строя Флоренции современники часто писали с 1400 по 1434 г. В первую очередь следует назвать выдающегося гуманиста Леонардо Бруни, который в «Похвале городу Флоренции» уподобил свою республику гармоничной симфонии совершенного инструмента:

«Собственно как струны звучат, посредством которых, когда их заставляют вибрировать, рождается гармония различных звуков, точно так же и этот опытнейший город управляется всеми его внутренними властями таким образом, что получается определенный комплекс сил, логичный в себе самом. В нем нет ничего беспорядочного, неопределенного, диссонирующего. Каждый занимает свое место, которое не только для него одного определено, но также находится в гармоничном отношении с другими»².

Не только идеологи-гуманисты отмечали величие, красоту и гармонию своего города, но также и граждане. В ряду хроник и семейных книг этого периода выделяется «История Флоренции» купца и изготовителя шелка Грегорио Дати (1362–1435), в которой воспевалась победа Флоренции в войне с миланским герцогом Джан Галеаццо Висконти, а отдельная глава была посвящена демонстрации гордости политическим устройством Флоренции. Характеризуя первый этап войны с Миланом (1388–1391), автор предсказывал будущий триумф своей республики:

коммунальную идентичность, олицетворявшую свободу и единство сообщества: «Флорентийские фамилии едины, все они рождались и жили с гвельфским духом более, чем в каком-либо городе Италии» (Dati 1904: 120-121).

² Бруни 2004: 180; О том же см.: Ugolini 1971: 356.

«Теперь начала Коммуна Флоренция протягивать руки к великим делам, ибо известны флорентийцы духом, нетерпимым к тирану, теперь следуют они прекрасным порядкам... и творят великолепные деяния»³.

Хроника составлена в виде диалога автора со своим сыном, который интересовался: «Скажи мне: как могло быть, чтобы горожане охотно уплачивали такие деньги, или... их принуждали»? Автор отвечал:

«Любовь к отечеству и стремление сохранить свободу побуждали их делать это охотно, ибо они понимали: если... пойдут под синьора, то утратят все, и платили, что требовалось. Но также имелись добрые установления: каждый платил сообразно своим возможностям, а неимущие не платили ничего, за исключением обычных габелл».

Так Дати подчеркивал справедливость законов по налогообложению⁴. Он прославлял энергию и предприимчивость своих соотечественников, как причины экономического процветания города-государства:

«Они всегда старались обеспечивать жизнь ремеслом (*industrie*), и для этого выходили за пределы своей земли искать других провинций и стран, где видели возможность добыть средства, и так... узнавали они обычаи других наций мира, и привыкали к странствиям, собирая со всех сторон цветы (прибыли). И росло их великое желание видеть и приобретать... потому что тот не есть купец, кто не ищет по миру, не видит людей чужих наций, не возвращается в отечество с нажитым, нет ему тогда славы... обогащаясь, они приобретали практику и добрые нравы, которым нет равных в мире... а их богатство... творит благие дела: милосердие, любовь к бедным, и праведность в почитании Церквей Божьих...»⁵.

Много места Дати отводил описанию праздничных торжеств, желая показать великолепие, богатство, могущество, щедрость своей коммуны. Во всех подробностях он описывал празднование «Дня святого патрона Флоренции Джованни Баттиста (Иоанна Крестителя)»:

«... все цехи выставляют наружу свои богатые изделия: сколько драпов из золота и шелка демонстрируется там, которые бы украсили 10 королевств, сколько драгоценностей и вещей из золота и серебра, и ковров, и расписных столов, с чудесной резьбой...»⁶.

Еще две хроники подтверждают сходство настроений их авторов. «Дневник флорентийского анонима» (1382–1401)⁷ начинался с описаний

³ Dati 35: 37.

⁴ Ibid. 45: 43. Дати пояснял: «Граждане не теряли деньги, даже если ссужали их на нужды Коммуны, потому что во время мира и благополучия, они снова получали их, не затрачивая усилий, а также не теряли и времени, потому что имели каждый год приток 5% на 100, как если бы вложили их в землю, и выплаты были гарантированы».

⁵ Dati 70: 59-60.

⁶ Ibid.: 90-96: 117-133; 118: 91. Затем следовали описания процессов «людей в одеждах из тафты, затканых золотом и драгоценными камнями...». Ibid. 121-132: 92-96. Дати не уставал описывать достопримечательности своего города: площадь Синьории, часовня Ор Сан Микеле, церкви Санта Репарата и Санта Мария дель Фьоре.

⁷ *Alle bocche della piazza*. 1986. Далее: *Diario di Anonimo fiorentino*. Об авторе ничего не известно, кроме того, что он был непосредственным участником описываемых событий, о чем свидетельствует краткая преамбула от первого лица, в которой он заявляет о своем намерении изложить их (*Diario*: 17. 1). Аноним не следовал историко-политической мысли Флоренции 1380–1390-х гг., труд его находится в рамках традиционного историописания. См.: A. Molho e F. Sznura. *Introduzione*: XXVIII.

вооруженных гражданских столкновений в 1382 г., когда свергали «режим младших цехов», в город возвращались сосланные в 1378 г. «архигвельфы», одержимые настроениями политического реванша. Описаниям вооруженных попыток государственных переворотов 1382–1384 гг. посвящена примерно третья часть дневника Анонима⁸ По мере стабилизации общественной жизни, стало проявляться видение других событий: грандиозные празднества по случаю присоединения к флорентийскому доминиону г. Ареццо в ноябре 1384 г., непрерывно идущие несколько суток⁹. Аноним писал: «18 ноября... канцлер сер Колюччо (Салютати) объявил о взятии Ареццо коммуной Флоренцией и уходе оттуда гибеллинов. Затем зазвонили колокола, и по ночам было светло как днем для большого веселья». Далее шли описания «синьоров с оливковыми венками на головах», возглавлявших многолюдные процессии, а также джостр и состязаний. Торжества имели место и по поводу включения Сиены в сферу влияния Флоренции в 1385 г., в 1392 г. отмечали создание лиги «многих коммун» против герцога Миланского: союзниками Флоренции стали Болонья, Феррара, Падуя, Фаэнца, Урбино, Имола, Кортона, Фриуль¹⁰.

Представитель старого флорентийского рода Филиппо Ринуччини (1392–1462)¹¹, составил хронике, охватывавшую период 1282–1458 гг.

⁸ Diario di anonimo fiorentino: 17-54.

⁹ Ibid.: 49-55. 60-61. Справедливости ради следует отметить, что внутренние противоречия все же давали о себе знать. Для состязаний юноши из именитых семей образовали три бригады: те, что были под руководством Альбици, разодетые в желтые драпы с переливающимся солнцем на груди и золотыми поясами, второй отряд возглавляли Каstellани, наряженные в пурпурно-желтые драпы, третий составляли Альберти в бледно-голубых драпах, украшенных бубенчиками. Хотя автор подчеркивал, что Альберти сражались, ломая копыя не хуже других, их отстранили от состязания: сказалось недовольство представителями этой фамилии в кругах формирующейся элиты. (Ibid.: 55-56). В 1386 г. праздновали коронацию Карла III Венгерского: в джостре снова участвовала бригада Альберти в белых драпах, расшитых коронками из золота, но на третий день состязаний их отстранили, запретив выставить гербы своего дома (Ibid.: 61-63, 66). Возможно, причиной была ненависть вернувшихся в 1382 г. архигвельфов к Бенедетто дель Альберти, одному из заправил режима «тощего» народа.

¹⁰ Ibid: 58-59; 137-139. 140-141. Даже похороны выдающихся лиц давали повод автору представить великолепие своего города, о чем свидетельствует торжество при погребении рыцаря и выдающегося кондотьера Джованни Агуто (18 марта 1394 г.): «...тело его стояло всю ночь на возвышении в Сан Джованни, и там же находился стол с большим количеством мехов и драпов, и постоянно горели 300 канделябров... на площади Синьории на огромном столе стоял гроб, убранный множеством мехов, а вокруг стола разостлали ковры и развесили украшенные золотом драпировки. И весь клир собрался в Санта Мария дель Фьоре в количестве 200 священников и монахов...». Ibid: 168-169.

¹¹ Краткие сведения о нем соощал биограф семьи Ринуччини Д. Аяччи (Ricordi storici... 1840: 137-138. Филиппо был членом старшего цеха торговцев специями и медиков, его брак с представительницей рода Веттори, входившего в правящую элиту, доказывал высокий социальный статус фамилии Ринуччини. Филиппо имел задолженность в Монте на очень крупную сумму в 60000 флоринов, которую выплачивал до конца своей жизни. Его участие в управлении Коммуной не было активным. Он с гордостью вспоминал, как в 1418 г. его отправили в Ломбардию приветствовать папу Мартина V, хотя он был не послом, а лишь членом свиты при посольстве. В 1450 г. его избрали Капитаном партии Гвельфов, о чем он не упоминал в своей хронике.

Его краткие аннотации до 1390-х гг. несли довольно сухую информацию о событиях¹². Записи становились гораздо более пространственными и содержательными с 1390-х гг., когда автор стал современником событий¹³. Из описаний проступают две противоположные тенденции «золотого века флорентийской олигархии»¹⁴: с одной стороны, восхищение богатством и могуществом Флорентийской республики, ставших следствием с трудом достигнутого к концу 1380-х гг. относительного социально-политического равновесия¹⁵. С другой, тревога и опасение по поводу потрясений, порождаемых новшествами, угрожающими флорентийской демократии.

Начиная с 1390-х гг. рубрики хроники наполняются оптимистическими картинами процветания и благополучия Флоренции. Автор повествует о торжественном возвращении флорентийских послов, удостоившихся возведения в рыцарское звание королем Неаполя (январь–февраль 1415). Хронист, которому тогда было около 23-х лет, присутствовал на пиру в честь этого события в качестве помощника и с восторгом описывал «прекрасный ужин в большом монастырском дворе Санта Мария Новелла»: «скатерти тонкого полотна с богатыми вышивками на столах», куда пригласили всех должностных лиц Флоренции и глав монастырей, вкуснейшую еду». Он писал: «Это было прекрасным и изысканным жестом, ... и не было еще видано столь красивого обычая во Флоренции»¹⁶. В том же ряду и пронизанные умилением сцены празднования Св. Троицы: процессии, торжественные акты милосердия в монастыре Санто Спирито: «Столы, уставленные сладостями для каждого приходящего, отличным требьяно, другими яствами», пиры в церкви Санта Кроче: «Всех принимали с лучшими блюдами и драгоценнейшими винами»¹⁷.

В 1417 г. ему самому довелось участвовать в посольстве коммуны в Рим: «Было послано блестящее посольство к папе Мартину V: всех послов и их фамилии (свиты) нарядили за счет коммуны. Послов – в кармазинный велюр¹⁸, юношей свиты (в их числе находился автор) – в розовый велюр, других представителей свиты – в цвет «скарлаттино» (желто-коричневый), и все они были прекрасными наездниками, имея 62 коней и 12 мулов навьюченных тюками, в которых находились дары...»¹⁹. В таком же возвышенном тоне Филиппо описывал визиты пап во Флоренцию

¹² Ricordi storici: XXXV-XL. Все записи лаконичны за исключением пространного панегирика, озаглавленного «Жизнь и смерть Данте Алигьери», который Филиппо посвятил самому почитаемому им персонажу флорентийской истории. Ibid: XI-XIX.

¹³ Их высоко оценивали современники, о чем свидетельствует то, что их, с разрешения наследников, скомпилировали для официальной летописи Флоренции, хранящейся в Палаццо Синьории (Aiazzi 1840: 138).

¹⁴ Гвиччардини 2004. 109: 82; Брагина 2004: 10-12; Jorcin 1969: 48-49.

¹⁵ О социально-политическом равновесии в этот период см.: Anzilotti 1912: 6-22.

¹⁶ Ricordi storici: LIII-LIV. Послами являлись представители олигархических фамилий старых и почитаемых родов: Лоренцо Ридольфи, Палла ди Нюффри Строчи, Маттео ди Микеле Каstellани, молодой Аньоло ди Якопо Аччайуоли.

¹⁷ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: LXXIV.

¹⁸ Очень дорогой бархат, окрашенный в алый, вишневый, пурпурный тона.

¹⁹ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: LV.

и торжества по поводу «дарования ими золотых роз». Автор повествовал о богатом антураже встречи папы Мартина V в 1418 г.: прекрасные штандарты партии гвельфов из шелка, подбитого горностаями, складчатые балдахины, затем дары: 2 верховые породистые лошади, богато украшенные, великолепный табернакль (дарохранительница) для золотой розы, дарованной им Синьорией²⁰. Из этих описаний предстает почти идиллический образ богатого, щедрого, великолепного города.

Две другие хроники очень отличаются от рассмотренных выше, они как бы фланкировали «Диарио» Анонима и «Хронику» Филиппо Ринуччини. Им предшествовала «Флорентийская хроника»²¹ их старшего современника Маркьонне ди Коппо Стефани (1336–1385), который во второй части своего сочинения описывал непосредственно наблюдаемые им события. Амедео де Вичентис, современный исследователь творчества Стефани писал: «После 1348 г., когда Маркьонне непосредственно представляет историю только на основе собственного видения фактов, его тон постепенно становится мрачным, обрисовывая политическую жизнь Флоренции крайне пессимистично, рассказ о фактах насыщается негативными пояснениями: о внутренних насилиях, ставших уже привычными... о неспособности граждан управлять общественными финансами, об их соглашательстве и разделении на секты»²². Вторая хроника вышла из-под пера сына Филиппо – Аламанно ди Филиппо Ринуччини (1426–1499), гуманиста, автора широко известного «Диалога о свободе»²³. Аламанно совсем не был склонен к описанию праздничных церемоний и ликований граждан. В сообщениях о торжественных приемах высокопоставленных лиц этот республиканец был взволнован прежде всего тем, какое место в них занимает Синьория, как традиционная основа народного режима. Повествуя о прибытии в город миланского герцога Галеаццо Мария Висконти с супругой в 1471 г., он удовлетворенно отмечал, что главную роль в торжественной встрече играли Синьория и Гонфалоньер Справедливости, несмотря на то, что поместились визитеры в палатце Лоренцо Медичи²⁴. Празднества в честь визита 15-летнего кардинала Джованни ди Лоренцо Медичи вызвали у Аламанно неприкрытый скепсис: «10 марта

²⁰ Ibid: LVI-LVII. Евгений IV (1431–1447) преподнес Золотую Розу собору Санта-Мария дель Фьоре. В 1451 г. явился император Фридрих III, король Германии, со свитой в 3000 всадников: «Ему оказали величайшие почести: коммуна оплатила все его издержки пока он двигался по всей нашей территории, как и всей его свиты, около 20000 флор.». На обратном пути он еще раз посетил Флоренцию, и снова все его издержки на земле флорентийского доминиона были оплачены коммуной» (Ibid: LXXVI-LXXVIII). Автор восхищался щедростью коммуны, проявленной при погребении канцлера Леонардо Бруни в 1444 г., упоминал «прекрасную речь», произнесенную Джанозцо ди Бернардо Манетти над прахом его (Ibid: LXXIII).

²¹ Marchionne di Coppo Stefani. 1903.

²² De Vicentiis A. Scrittura storica e politica cittadina: la cronica fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // Rivista di storia italiana. 1996. CVIII. Fasc 1: 278.

²³ См.: Брагина 1983: 92-119.

²⁴ Rinuccini A. Continuazioni di Alamanno (P. LXXXIX-CLXII) e Neri suoi (Filippo) figli fino al 1506: CXV-CXVI.

1491 г. явился во Флоренцию мессер Джованни ди Лоренцо Медичи, как кардинал... и устроили публичный праздник, так что это кардинальство обошлось нашему городу в 200000 флор. ...Синьория, когда он находился в доме своего отца на официальном обеде, прислала ему почти 1000 ливров и драгоценных украшений на сумму в 15000-20000 флор.»²⁵. Его не интересовали описания торжеств и увеселений на фоне с тревогой фиксируемого им постепенного упадка республиканских порядков.

Сквозь канву описания успехов, празднеств, торжественных пиров и шествий в «Диарио» и у Филиппо Ринуччини проступали настораживающие сведения о внутреннем неблагополучии, связанном с двумя видами противоречий: с одной стороны, проявлялся старый антагонизм между вернувшимися и жаждущими реванша архигвельфами, которыми негласно предводительствовали Альбицци, и противостоящим им народом, пытающимся опереться на Альберти, которые, возможно, делали ставку на представителей младших цехов²⁶. Наряду с этим противостоянием все больше заявляло о себе новое – борьба внутри формирующейся олигархической группы за политическое влияние. Так, запись в хронике Анонима, датированная апрелем 1387 г., гласила:

«Многим гражданам не нравился образ действий мессера Бенедетто Альберти, потому что казалось им, что он намеревается стать синьором Флоренции»²⁷.

Что давало основания для таких подозрений, помимо того, что Бенедетто Альберти, некоторое время был на стороне режима чомпи? Следует учитывать колоссальные богатства клана Альберти, какие не имело ни одно семейство Флоренции. Современный историк Джон Нэйджмеи резонно делал вывод: «Такое запредельное богатство могло угрожать равновесию, установившемуся между домами элиты, что, вероятно, и было глубокой мотивацией необходимости изгнания Альберти»²⁸. Причем их богатства сочетались с расположением у народа благодаря связям Бенедетто. В любом случае встает вопрос, какой ценой удавалось сохранять относительные спокойствие и единство коммунального социума?

²⁵ Ibid: CXLV.

²⁶ Глава и старейшина клана Альберти – Бенедетто дельи Альберти (1320–1388) был одним из глав режима младших цехов 1378–1382 гг. Видимо, еще до выступления чомпи он был связан с будущими представителями народной партии – Томмазо ди Марко Строчи, Джорджо Скали и Сальвестро Медичи, выступление которого против всесия Капитанов партии гвельфов в мае 1378 г. дало сигнал к восстанию. В период правления младших цехов в 1378–1381 гг. Бенедетто назначался на важные посты, являясь советником главы чомпи Микеле ди Ландо. Но рано поняв, что правление того же народа обречено, он, видимо, с 1379–1380 гг., стал устанавливать контакты с их противниками из высшей социальной группы, к которой сам изначально принадлежал, и потому не был изгнан в 1382 г., когда правлению младших цехов пришел конец.

²⁷ *Diario di anonimo fiorentino*: 65-66.

²⁸ По данным финансового отчета от 1395 г., уплаты в коммуну от 4-х братьев Альберти доходили до колоссальной суммы в 130000 флор. и составляли 23% от всего поступающего от 52-х очень богатых семей, вносящих 49% от всего годового бюджета, и 11% от всей совокупности поступлений. Вторыми шли братья Альбицци, чьи платежи никогда не достигали даже 1/5 части от взноса Альберти. Najemy 2014: 236.

Первые меры были едва заметны в процессе «упорядочивания» доступа к должностям: всего лишь некоторые изменения избирательной системы. В 1387 г. было решено ввести «Сумочку» (Borsellino), дополнительную избирательную суму, в которую попадали жребии с именами наиболее уважаемых и авторитетных лиц: 2 Приора из 8-и вытягивались из «Сумочки», дабы обеспечить преимущество членов старших цехов²⁹. В городе уже давно утверждалась практика создания чрезвычайных комиссий (Балии), усложнявших и без того запутанную систему флорентийских советов и коллегий. В 1387 г. были созданы Балия 81-го для пересмотра списков и предоставления избирательных прав тем, кто был лишен при правлении чомпи, и Балия 70-и для решения сложных вопросов внутренней политики. В 1388 г. – Балия 10-и, ведающая внешней политикой и финансами; в 1391 г. – Балия 8-и для проверки списков 1382 и 1391 гг.³⁰ Функции управления не были четко распределены между этими комиссиями и традиционными. Так, Джованни Морелли заявлял, что Балия 81-го «предварительно рассматривала любое предложение, поступавшее в Приорат, и решала, на какую комиссию его вынести, принимала все важные распоряжения относительно обеспечения войск и выборов»³¹. Аноним писал, что в 1393 г. избрали Балию с чрезвычайными полномочиями, чтобы не допустить «прихода к власти гибеллинов и аммонированных»³². Граждане объединялись в вооруженные отряды под руководством Альбицци, Перуцци и Медичи. Всех видных представителей семьи Альберти навечно лишили права занимать должности, состоять в партии гвельфов, быть членами цехов, а глав клана Бенедетто и Чиприано выслали на 2 года. Также урезали представительство народа до 2-х Приоров из 8-и, до 3-х лиц в коллегии 12-и Добрых мужей и до 4-х из 16-и Гонфалоньеров компаний, что неожиданно легко прошло в Советах Народа и Коммуны, «ибо большинству хотелось покоя и порядка в городе»: не удивительно, что это решение праздновали в течение трех дней³³.

Противоречия внутри правящей элиты снова обострились в октябре 1393 г., когда из-за случайного ночного беспорядка поднялось волнение и стали кричать: «Да здравствуют гвельфы!», требуя казни Чиприано и Альбертаччо дельи Альберти. Синьория созвала Парламент³⁴, избравшее Балию, члены которой получили чрезвычайные полномочия: право

²⁹ Guidi 1981. Т 1: 295-297. Сначала два, потом, в 1393 г. – три из 8-и постов Приоров были гарантированы для представителей элиты: отобранные «рукой» имена помещались в «сумочку». Когда и Гонфалоньер Справедливости стал избираться аккопьяторами, 4 из 9 постов Приората избирались из «сумочки». См.: Najemy 2014: 231.

³⁰ Capponi 1962. VI: 35.

³¹ Morelli 1956: 428; Capponi 1962.

³² Diario di anonimo fiorentino: 66. Имеются в виду две радикальные группировки: «гибеллинами» называли сторонников режима младших цехов, свергнутого в 1382 г., «архигвельфами» – вернувшихся в том же году заправил партии гвельфов, стремящихся восстановить режим партийной диктатуры. Аммонированные – те, кто были лишены права занимать какие-либо должности в республике.

³³ Ibid: 68-70, 72-74.

³⁴ Народное собрание (один из самых древних органов управления коммуной).

на ношение оружия и передачу его в руки того, кого они сочтут нужным, а всех, кто негативно высказывался о членах Балии, присуждать к штрафу в 2000 зол. флор. или казни. Члены Балии должны были заново наполнить избирательные сумы «добрыми людьми-гвельфами» и составить новые избирательные списки. Кроме того, почти всех Альберти объявили грандами и выслали половину членов фамилии³⁵. Далее Балия сосредоточилась на выборных реформах: аннулировали все сумы, скомплектованные по списку 1385 г. для выборов в правление коммуны, палату Мерканция и руководство цехов. Составили новые списки и в то же время выбирали «рукой» консулов цехов, советников Мерканции, но, главное, членов последующего Приората, обеспечивая таким образом присутствие на должностях доверенных союзников, попавших в списки. 5 из 8-и Приоров были выбраны рукой на ноябрь-декабрь 1393 г. усилиями той же Балии, а Никколо д'Уццано стал Гонфалоньером Справедливости, кроме того, три Приора были выбраны из «сумочки». Тогда же, видимо, впервые, произошло знаковое событие: «жеребьи отбирали руками из сум, предварительно открытых»³⁶. Экстраординарным решением Балии стало избрание 9-и аккоппяторов во главе с Мазо дельи Альбицци для ревизии существующих сум: по своему усмотрению они могли добавлять или удалять жребьи из всех сум, скомплектованных по предыдущим спискам³⁷.

Борьба между олигархическими группами дала себя знать в 1396 г., когда в условиях возобновившихся волнений членов младших цехов по доносу был арестован и приговорен к изгнанию влиятельный гражданин Донато Аччайуоли, которого обвинили в том, что он стремится быть тираном Флоренции и, вооружив тощий народ, свергнуть власть Синьории, вернуть всех изгнанников и сделать новые списки, куда внести имена изгнанных и лишенных прав избрания на должности. Возможно, главной причиной ареста и пожизненной ссылки стало скрытое противостояние Донато с могущественными Альбицци³⁸. Тогда же арестовали и осудили

³⁵ Diario di anonimo fiorentino: 150-151. На стр. 151-156. Аноним приводил полный список всех членов этой Балии. Дж. Нэйджеми полагал, что Балия представляла собой точный список фамилий правящей группы последующих десятилетий: помимо Альбицци там фигурировали Уццано, Содерини, Ридольфи, Веттори, Капони, Питти, Корсини, Гвиччардини от картьеры Санто Спирито; Магалотти, Сальвиати, Барончелли, Манчини, Дель Антелла, Кастеллани от Санта Кроче; Аччайуоли, Строцци, Спино, Ручеллаи, Ардингелли, Альтовити, Даванцати, Минербетти от Санта Мария Новелла; Медичи (включая Джованни ди Биччи, отца Козимо), Риччи, Алессандро, Валори от Сан Джованни. См.: Najemy 2014: 232-233.

³⁶ Diario di anonimo fiorentino: 156-157. До этого бюллетени с именами претендентов на должность вытягивались из закрытых сум нотарием Синьории, который не видел записанных на них имен, подобно фишкам при игре в лото.

³⁷ Najemy 2014: 232-233.

³⁸ Diario...: 185-190. Это подтверждается отчасти тем, что вскоре некоторые представители фамилии Медичи, которых Альбицци считали своими противниками, были посланы, якобы, за участие в заговоре, организованном Донато Аччайуоли. Донато, пытаясь доказать свою невиновность, прислал Синьорам письмо, которое Аноним полностью привел в своем «Дневнике», как и ответ на него Синьории (Ibid.: 192-199, 200-203). Скорее всего, Донато признался под угрозой пытки, а страх перед попытками

еще ряд представителей семьи Альберти и среди них ненавистного архигвельфам старого Бенедетто, опасаясь, что поднимутся младшие цехи³⁹.

Какой же ценой было достигнуто относительное умиротворение социума? Напрашивается ответ: ограничением флорентийского народовластия при сохранении в целом республиканских институтов. Многие реформы ограничивали демократические устои: прежде всего, введение особых списков избрания на должности: «Сумочки», куда вносились имена наиболее опытных в правлении граждан (1393), «Зеркала» (*Specchio*), списка, содержащего имена граждан, имеющих задолженности по уплате налогов, которые не допускались к коммунальным должностям (1397), «Привилегированных»/ *Veneficiati* (1406), включавший лишь имена членов старших цехов для избрания в Синьорию, которые, как и их прямые предки, платили налоги без перебоев в течение 30 лет. Если тот, чье имя вытягивалось из избирательной суммы, отсутствовал или получал отвод, его заменяли очередным кандидатом из списка «Привилегированных». В результате число членов младших цехов в коммунальных властных структурах стало сокращаться⁴⁰, а вошедшим в этот реестр отдавалось предпочтение при избрании в чрезвычайные коллегии и Советы⁴¹.

Значительную роль со второй половины XIV в. стали играть особые чрезвычайные комиссии – Балии. Современники склонны были оценивать деятельность балий отрицательно. Аноним осуждал Балию 10-и (1384) за ее злоупотребления и бесконтрольность: «Комиссия 10-и должна решать вопросы о том, как нужно тратить деньги, вместе с Приорами и Гонфалоньером Справедливости, а ее члены представляли их, кому хотели и куда хотели». Балии сужали систему народоправства, укрепляли позиции крепнущей олигархии: часто ее представители, выходя по окончании полномочий из одного коммунального совета или правящей структуры, сразу же входили в ту или иную Балию, поскольку на эти органы не распространялся мораторий на новое избрание, действующий для традиционных властных институтов⁴². В то же время явно отмирало древнее Парламенто, по поводу чего сокрушался Веспасиано Бистиччи⁴³.

раскачать с трудом достигнутое равновесие привел к столь суровым последствиям для подозреваемого, которому даже не были предъявлены конкретные обвинения.

³⁹ *Cronica volgare*... Т. XXVII: 190-191.

⁴⁰ Анонимный автор сообщал, что в 1381–1382 гг. в правящих коллегиях членам старших цехов отводилось более половины мест, а Гонфалоньер Справедливости избирался только из старших цехов. См. *Cronica volgare dall'1385 al 1409*: 34.

⁴¹ Например, в Совет 200-т, в сумку для избрания которого помещались только «Привилегированные». См.: Bertelli 1978: 97-98; Guidi 1981: 255-256.

⁴² Brucker (1977: 264-265) отмечал, что между 1403 и 1414 гг. 57 человек, происходящих из ведущих фамилий, преимущественно говорили речи по крайней мере в 20 Практиках: 5 из них выступали более сотни раз (Филиппо Корсини, Пьеро Барончелли, Кристофано Спино, Мазо дельи Альбицци, Ринальдо Джанфильяцци), и еще 14 – более 50 раз (среди них Джинно Каппони, Лоренцо Ридольфи и Никколо да Ущано).

⁴³ Bisticci 1892–1893: 278. Одной из причин всевластия разного рода чрезвычайных коллегий Веспасиано считал, «что народ перестал собираться на Парламенто, чтобы требовать у правителей отчета в их деяниях и израсходованных средствах».

В избирательной системе все большую роль начинали играть аккопьяторы⁴⁴, осуществлявшие отбор из избирательных списков имен граждан, набравших наибольшее число голосов, и размещение их по избирательным сумам⁴⁵. Биограф Бистиччи писал, что видный гражданин Маттео ди Симоне дельи Строцци в 1404 г., уже зная, что его фамилия находится в избирательных списках на пост Гонфалоньера Справедливости, просил аккопьятора, избранного от его картьеры, внести его жребий в суму Гонфалоньеров и получил согласие. Но этот аккопьятор, являясь тайным противником Маттео, сообщил о его просьбе в Синьории, что и послужило предлогом для изгнания Маттео Строцци из Флоренции⁴⁶.

Выдающийся проповедник Антонино Флорентийский грозил муками ада членам избирательной комиссии за утайку бобов при голосовании, чтобы нежелательные кому-либо кандидаты не могли собрать положенной 1/3 голосов, необходимых для внесения в списки на должности:

«Много было случаев сокрытия бобов... и тогда Архиепископ Антонино делал публичные оглашения об этом во всех главных церквах, грозя виновным отлучением от церкви: “Синьоры превышают свою власть, когда не позволяют на Советах свободного голосования, когда силой и настойчивостью заставляют голосующих показывать свои бобы. Они совершают тяжкий грех, посягая на свободу города...”»⁴⁷.

Но самым вопиющим нарушением традиционной системы избрания на должности будут считать случившийся в 1393 г. прецедент – отбор из открытых сум «рукой» жребиев с именами, осуществляемый аккопьяторами, вместо вытягивания их «вслепую» должностными лицами Синьории, в лице которых, как тогда считалось, действовала сама судьба.

Итак, сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, значение выборных институтов и властные полномочия Синьории возросли: судя по статутам 1415 г., к ним все больше переходили судебные и исполнительные прерогативы от иноземных должностных лиц – Подеста и Капитана народа⁴⁸. Балии избирались и утверждались на Парламенто, что создавало иллюзию усиления демократического начала в управлении, хотя Балии и аккопьяторы оттесняли на второй план Синьорию – главную структуру республиканского строя⁴⁹. Вместе с тем, практика отбора

⁴⁴ В переводе: «соединенные парно», поскольку от каждой картьеры избиралось первоначально по 2 человека, хотя это число не было постоянным.

⁴⁵ Сужение рамок демократии проявилось в сокращении представительства младших цехов в коллегии выборщиков – *argoti*, куда в 1490-е гг. входили $\frac{3}{4}$ от старших цехов и $\frac{1}{4}$ от младших, тогда как в первой половине XV в. – соответственно $\frac{4}{5}$ и $\frac{1}{5}$. См.: Rubinstein 1966; Guidi 1981. P. 287-29; 349-350.

⁴⁶ Bisticci 1859: 178-180. Известно, что во Флоренции с просьбами такого рода принято было обращаться не с пустыми руками.

⁴⁷ Morçay R. Saint Antonin. Archevêque de Florence: 254-256. Антонино Пьероцци (1389-1459), архиепископ с 1446 г., флорентиец по рождению из пополанской семьи.

⁴⁸ Guidi 1981; Diario d'Anonimo: 158-159.

⁴⁹ Diario di anonimo fiorentino: 67-71. Первая Балия была создана во время волнений 1387 г. и продлена до конца 1388 г. Она приняла решение о высылке глав дома Альберти и их союзников, а также об уменьшении представительства младших цехов в Синьории до 2-х приоров из 8-и. См. также: Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: XLI.

кандидатов на должности «рукой» не стала еще необратимым явлением: в 1394-1395 гг. вернулись к прежнему способу вытягивания жребиев с именами из закрытых сум⁵⁰. Последующие попытки мятежей легко подавлялись, не вызывая особых потрясений в обществе, ибо, как писал Филиппо Ринуччини о попытке мятежа в 1412 г.: «Все в государстве было хорошо предусмотрено»⁵¹. Что он, возможно, имел в виду?

В списках кандидатов на должности с 1382 по 1393 гг. сокращалось число имен, что вызывало недовольство преимущественно членов средних и младших цехов. Но с 1411 г. число имен кандидатов в них стало возрастать (619 в 1393, 1069 в 1411, 2084 в 1433), тогда как представительство в Приорате для членов младших цехов уменьшилось примерно в тот же промежуток времени с 4-х до 3-х, а затем до 2-х⁵².

Следует помнить, что даже только внесение имени в избирательный список являлось среди граждан Флоренции предметом гордости и знаком престижа для всей фамилии. Тот, кто оказывался в списке, мог довольно долго питать обоснованную надежду на избрание. После 1393 г. число фамилий в списках возрастало, но число семей, члены которых реально избирались в Синьорию, быстро уменьшалось⁵³. Превалировали старые фамилии: 34 из 43-х домов дали 4-х или более Приоров между 1382 и 1399 гг., 24 из этих домов имели доступ к магистратурам даже раньше 1300 г. После 1393 г. политический класс города последовательно закрывал двери перед новыми людьми. В XV в. некоторые новые фамилии – Морелли, Серристоры, Пуччи занимали должности довольно часто, но речь идет скорее об исключениях, которые были обязаны своим политическим успехом расположению к ним людей, находившихся уже на вершинах власти⁵⁴. Тем не менее, флорентийское замыкание никогда не было столь жестким, как в Венеции: правящий слой не опирался на наследственный, традиционно и юридически узаконенный статус.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Брагина Л. М. Гвиччардини – политик и моралист // Гвиччардини Франческо. Заметки о делах политических и гражданских. М., 2004. [Bragina L. M. Gvichchardini – politik i moralist // Gvichchardini Franchesko. Zametki o delah politicheskikh i grazhdanskih. M., 2004].
- Бруни Л. Восхваление города Флоренции. Вступ. статья, пер. с лат. и комм. И.Я. Эльфонд // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. [Bruni L. Voskhvalenie goroda Florencii. Vstupitel'naya stat'ya, perevod s latinskogo i kommentarij I.YA. El'-fond // Gumanisticheskaya mysl' ital'yanskogo Vozrozhdeniya. M., 2004.].
- Питти Б. Хроника / Пер. З.В. Гуковской / Под ред. М.А. Гуковского, В.И. Рутенбурга. Л., 1972 [Pitti B. Hronika / Per. Z.V. Gukovskoj. Pod red. M.A. Gukovskogo, V.I. Rutenburga. L., 1972].

⁵⁰ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini: XLII.

⁵¹ Ibid: LI.

⁵² Najemy 2014: 230.

⁵³ Ibid: 233. За 3,5 года народного правления в 1378–1382 г. 100 фамилий избирались в Приорат, в среднем 28,5 в год. За почти 12 лет между Балией 1382 г. и Балией 1393 г. новых фамилий в этой магистратуре было 212 (от 13 до 22 каждый год), среднегодовая цифра – около 18. В последующее десятилетие после Балии и списка 1393 г. – только 79 новых фамилий дали по одному Приору, а за три следующих десятилетия, с 1404 по 1433 г. число новых фамилий уменьшилось до 86-ти.

⁵⁴ К такому же выводу пришел в своей статье и А. Молхо: Molho 1968.

- Anzilotti A. La crisi costituzionale della Repubblica fiorentina. Firenze, 1912.
- Bertelli S. Il potere oligarchico nello stato-città medievale Firenze, 1978.
- Bisticci V. Vite di uomini illustri. Del secolo XV / a cura di L. Frati.. Bologna. 1892-1893. T. II.
- Brucker G. The Civic World of early renaissance Florence, Princeton, 1977.
- Capponi G. Ricordi. // Miscellanea di studi offerta a A. Balduino e B. Bianchi. Padova, 1962.
- Cronica volgare di Anonimo fiorentinodall' 1385 all' 1409 attribuita a P. Minerbetti // Rerum italicarum scriptores. Città di castello. 1953-1955. T. XXVII.
- Dati G. Istoria di Firenze di Goro Dati dall' anno 1380 all' anno 1405 / A cura di Luigi Pratesi. Norcia, 1904.
- De Vicentiis A. Scrittura storica e politica cittadina: la cronica fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani // Rivista di storica inalina. 1996. CVIII. Fasc I.
- Diario di Anonimo fiorentino (1382-1401) // Alle bocche della piazza. Diario di Anonimo fiorentino/ A cura di A. Molho e F. Sznura. Firenze, 1986.
- Guidi G. Il governo della città–Repubblica di Firenze del primo Quattrocento. Firenze, 1981. T. 1. Politica e diritto.
- Guidi G. Gli istituti "Di Dentro" che componevano il governo di Firenze nel 1415. Firenze. T. II. 1981.
- Jorcin A. Les Medicis. Lausanne, 1969.
- Molho A., Sznura F. Introduzione // Alle bocche della piazza. Diario di Anonimo fiorentino.
- Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956.
- Morçay R. Saint Antonin. Archevêque de Florence (1389-1459). Paris, 1914.
- Najemy J. M. Storia di Firenze. 1200-1575. Torino, 2014.
- Rinuccini F. Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini // Aiazzi G. Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 della continuazioni di Alamanno e Neri suoi figli fino al 1506. Firenze, 1840.
- Rinuccini A. Continuazioni di Alamanno // Aiazzi D. Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 della continuazioni di Alamanno e Neri suoi figli fino al 1506 /a cura di G. Aiazzi. Firenze. 1840.
- Rubinstein N. The government of Florence under the Medici (1434-1454). Oxford, 1966. T. II.
- Stefani Marchionne di Coppo. Cronaca fiorentina/ a cura di Niccolò Rodolico // Rerum italicarum scriptores. Tomo XXX. Parte I. Città di Castello, 1903.
- Ugolini P. La politica fiorentina di Cosimo Medici. Fiorentina libertas. // Un' altra Firenze. L' epoca di Cosimo il Vecchio. Firenze, 1971.

Краснова Ирина Александровна, доктор исторических наук, профессор, кафедра зарубежной истории, политологии и международных отношений, Северо-Кавказский федеральный университет; gorward_@mail.ru

Transformation of Images of Perception of Socio-Political Changes in Florence in the Last Quarter of the XIV- Early XV Centuries.

The article deals with the peculiarities of the perception of socio-political changes by Florentine citizens in the last quarter of the XIV- early XV c., when the dictatorship of the Guelph Party was overthrown, a limit was set to the regime of junior workshops, and urban society returned to republican order, reaching a relative balance of structures involved in the management – senior and junior workshops, as well as those who returned to the city of the arch-elves. This was reflected in the perception of citizens as the achievement of relative harmony by society in a rich, prosperous city that has achieved significant foreign policy successes (inclusion in the sphere of the Florentine dominion of Arezzo and Pisa). Next, the "price of victory" is investigated: the restriction of the norms of Florentine democracy in favor of the emerging oligarchic system.

Keywords: republic of Florence, Guelph Party, guilds, Parlamento, Balias

Krasnova Irina Aleksandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Foreign History, Political Science and International Relations of the North Caucasus Federal University; gorward_@mail.ru